

VIII

"УВЕДИ МЕНЯ В СТАН ПОГИБАЮЩИХ ЗА ВЕЛИКОЕ ДЕЛО ЛЮБВИ!"

Вот какие беды одна за другой обрушились на "Современник" и его редактора в конце 1861 года. Аресты людей, близких журналу. Трагическая смерть Добролюбова. Преследования со стороны цензуры... 14 декабря Некрасову было разрешено проститься с Михайловым, и он приехал в Петропавловскую крепость, чтобы в последний раз обнять мужественного человека, который в этот же день, закованный в кандалы, отправлялся в далекую Сибирь. Круг ближайших сотрудников "Современника" заметно редел. 18 февраля 1862 года после недолгой сердечной болезни скончался Иван Иванович Панаев. Соредактор Некрасова по журналу, талантливый литератор, Панаев стремился следовать заветам Белинского и был верен демократическому направлению русской литературы. "Современник" откликнулся на его смерть некрологом, написанным Чернышевским; в некрологе давалась высокая оценка деятельности Панаева.

Некрасов остался теперь единоличным редактором-издателем "Современника" (21 марта его утвердил в этом качестве Петербургский цензурный комитет). Наступавшее лето 1862 года готовило ему новые удары.

В середине июня было объявлено "высочайшее повеление" о запрещении на восемь месяцев "Современника" и "Русского слова" за "вредное направление". Некрасов был в эти дни в Москве. Заменявший его Чернышевский дважды ездил к министру народного просвещения А. В. Головнину, пытаясь выяснить дальнейшие намерения правительства, но ничего утешительного не добился. Головнин сказал, что он советует считать издание конченным и поскорее ликвидировать все дело.

Чернышевский сообщил об этом Некрасову; он писал, что остановку "Современника" надо рассматривать как "часть общего ряда действий" правительства, направленных против прогрессивного лагеря, как признак широкого наступления реакции. Он прибавил к этому: "Репрессивное направление теперь так сильно, что всякие хлопоты были бы пока совершенно бесполезны. Поэтому приезжать Вам теперь в Петербург по делу о "Современнике" совершенно напрасно" (19 июня 1862 года).

"Репрессивное направление" усиливалось. Продолжались аресты в среде передовых литераторов. 2 июля был арестован критик "Русского слова" Д. И. Писарев, написавший смелый памфлет против "дома Романовых". А через пять дней, 7 июля, ворота Петропавловской крепости захлопнулись за самим Чернышевским. В тот же день был арестован Н. Серно-Соловьевич. Правительство явно решило покончить с оппозиционной партией.

В редакции "Современника", в демократических кругах все это произвело самое тягостное впечатление, "Страшно больно, что Серно-Соловьевича, Чернышевского и других взяли", - писал в одном из писем Герцен (9 августа). В то же время охранители и либералы пытались оправдать политику правительства. Например, К. Д. Кавелин, наглядно показывая, на что способен российский либерализм, вполне одобрял репрессии: "Аресты меня не удивляют и... не кажутся возмутительными. Это война: кто кого одолеет. Революционная партия считает все средства хорошими, чтобы сбросить правительство, а оно защищается своими средствами..."

Потрясенный потерей близких людей, единомышленников и соратников, Некрасов изливал свои чувства в стихах, проникнутых болью и горечью:

Надрывается сердце от муки,
Плохо верится в силу добра,
Внемля в мире царящие звуки
Барабанов, цепей, топора...

На его глазах погибали люди, сознательно вступившие на "тернистый путь" неравной борьбы, жертвующие собой за свои убеждения. Поэтом овладевало глубокое душевное волнение, когда он думал об их судьбе, об их самоотверженности, перед которой он преклонялся. Он неизменно осуждал тех, кто не способен к подвигу, чьи порывы никогда не переходят в дело. Поэт не щадил и самого себя: его друзья шли на каторгу, томились в казематах, а он оставался на свободе и, как ему казалось, вел бесполезную для дела жизнь. Развенчать пассивных, "праздно болтающих" - значит возвеличить отважных, пробудить решительных. Таким настроением проникнута поэма "Рыцарь на час", законченная как раз в 1862 году. Некрасов сам дал ключ к ее пониманию, когда посвятил один отрывок из поэмы Михайлову, находившемуся в Сибири.

Вот как было дело. В конце мая собрались в дальний путь Шелгуновы - они решили поехать к сосланному другу, который принял на себя всю ответственность за прокламацию "К молодому поколению" (не исключено, что Шелгуновы надеялись организовать его побег за границу). Некрасов, прощаясь с отъезжающими, вложил в альбом Любви Петровны Шелгуновой листок с такими стихами:

В эту ночь со стыдом сознаю
Бесполезно погибшую силу мою...
И трудящийся, бедный народ
Предо мною с упреком идет,
И на лицах его я читаю грозу,
И в душе подавить я стараюсь слезу...
.....
Да! Теперь я к тебе бы воззвал,
Бедный брат, угнетенный, скорбящий!
И такую бы правдой звучал
Голос мой, из души исходящий,
В нем такая бы сила была,
Что толпа бы за мною пошла...

Поэт, конечно, не надеялся увидеть этот отрывок в печати. Но он хотел, чтобы его стихи прочел Михайлов. Он записал в альбом Шелгуновой и еще отрывок, который начинался словами "О мечты! о волшебная власть...", а заканчивался суровым упреком, горькой насмешкой над теми, кто не готов к борьбе:

Покорись, о ничтожное племя!
Неизбежной и горькой судьбе,
Захватило вас трудное время,
Неготовыми к трудной борьбе.
Вы еще не в могиле, вы живы,
Но для дела вы мертвы давно,
Суждены вам благие порывы,
Но свершить ничего не дано...

К этим стихам Некрасов сделал приписку, обращенную непосредственно к Михайлову: "Редки те, к кому нельзя применить этих слов, чьи порывы способны переходить в дело... Честь и слава им - честь и слава тебе, брат! Некрасов. 24 мая, 6 час. утра".

В этих словах - солидарность с сосланным революционером, государственным преступником и преклонение перед принесенной им жертвой. В них и ключ к пониманию драматического смысла всей поэмы "Рыцарь на час", зовущей к слиянию слова и дела, осуждающей колеблющихся и слабовольных, поэмы, беспощадной по отношению к самому поэту.

"Честь и слава тебе, брат!" Рядом с этим восклицанием, вырвавшимся из сердца, надо поставить те строки "Рыцаря на час", которые заключают в себе мольбу, обращенную к матери. Ее тень витает над всей поэмой. Вот эта мольба:

От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови,
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви!

Поэт отвергает праздную болтовню либералов и рвется в "стан погибающих" за "великое дело". Он завидовал их духовной цельности и бесстрашию и тянулся к ним, его мучило ощущение своей отдаленности от прямой революционной практики, от живого дела. Отсюда горькая исповедь, мотивы отчаяния:

Выводи на дорогу тернистую!
Разучился ходить я по ней,
Погрузился я в тину нечистую
Мелких помыслов, мелких страстей.

"Рыцарь на час" - одно из лучших исповедально-лирических произведений Некрасова. Уже самое начало его, уже первые строки, вводят нас в особый мир некрасовской поэзии с ее тревожным настроением, медлительным ритмом:

Если пасмурен день, если ночь не светла,
Если ветер осенний бушует...
Над душой воцаряется мгла,
Ум, бездействуя, вяло тоскует.
Только сном и возможно помочь,
Но, к несчастью, не всякому спится...

Слава богу! морозная ночь -
Я сегодня не буду томиться.
По широкому полю иду,
Раздаются шаги мои звонко,
Разбудил я гусей на пруду,
Я со стога спугнул ястребенка,
Как он вздрогнул! как крылья развил!
Как взмахнул ими сильно и плавно!
Долго, долго за ним я следил,
Я невольно сказал ему: славно!
Чу! стучит проезжающий воз,
Деготьком потянуло с дороги...
Обоняние тонко в мороз,
Мысли свежи, выносливы ноги.
Отдаешься невольно во власть
Окружающей бодрой природы;
Сила юности, мужество, страсть
И великое чувство свободы
Наполняют ожившую грудь;
Жаждой дела душа закипает,
Вспоминается пройденный путь,
Совесть песню свою запекает...

Поэма сложна и необычна по замыслу. Глубоким чувством окрашены воспоминания поэта о своем детстве. Его воображение воскрешает торжественную красоту летней ночи, залитую лунным светом старую церковь на горе и возле нее, в церковной ограде, крест над могилой рано угасшей матери. Перечитаем эти стихи:

В стороне от больших городов,
Посреди бесконечных лугов,
За селом, на горе невысокой,
Вся бела, вся видна при луне,
Церковь старая чудится мне,

И на белой церковной стене
Отражается крест одинокий.
Да! Я вижу тебя, божий дом!
Вижу надписи вдоль по карнизу
И апостола Павла с мечом,
Облаченного в светлую ризу.
Поднимается сторож-старик
На свою колокольню-руину,
На тени он громадно велик:
Пополам пересек всю равнину.
Поднимись! - и медлительно бей,
Чтобы слышалось долго гуденье!
В тишине деревенских ночей
Этих звуков властительно пенье...

На фоне полуфантастической, полуреальной картины, поражающей своей живописной изобразительностью, игрой света и теней, звукописью, передающей гудение церковного колокола, возникает образ той, "чья душа здесь незримо витает, кто под этим крестом почивает", - образ матери поэта, всегда воплощавшей для него все самое возвышенное и святое. Он зовет ее в минуты сомнений и страданий, он обязан ей всем, что есть лучшего в его душе. "Не робеть перед правдой-царицею научила ты музу мою" - таких признаний немало в лирике Некрасова. И теперь он полон надежды, что "легкая тень" матери поможет ему стать на "правый путь":

... О прости! то не песнь утешения,
Я заставлю страдать тебя вновь,
Но я гибну - и ради спасения
Я твою призываю любовь!
Я пою тебе песнь покаяния,
Чтобы кроткие очи твои
Смыли жаркой слезою страдания
Все позорные пятна мои!
Чтоб ту силу свободную, гордую,
Что в мою заложила ты грудь,
Укрепила ты волею твердою
И на правый поставила путь...

Эти стихи по-разному толковались в работах о Некрасове, но бесспорно одно - в них выражено благородное чувство неудовлетворенности собой, своей жизнью. Это чувство было характерно не для одного только поэта, его часто испытывали лучшие люди того времени. Многие из них хотели принять непосредственное участие в борьбе за народное счастье. Но не всем суждено было найти пути в стан борцов.

Конечно, у Некрасова был свой путь служения народу. И он был не прав, когда казнил себя за то, что его слова не претворяются в дело, за то, что ему "свершить ничего не дано". Его слово было его делом - он был великим революционным поэтом. И стихи, и журнальная деятельность Некрасова способствовали воспитанию настоящих революционеров, сеяли "разумное, доброе, вечное". Его исторические заслуги неocenимы.

В "Рыцаре на час" несомненна автобиографическая основа. Но было бы ошибкой во всем отождествлять образ лирического героя поэмы с личностью самого поэта. Против этого возражала еще современная Некрасову критика; после того как отрывок из поэмы появился в "Современнике" (1863, №1-2) с подзаголовком "Валужников в деревне", критик "Русского слова" В. Зайцев доказывал критику славянофильского "Дня": "... Герой поэмы не сам автор, а какой-то Валужников, Следовательно, по какому праву критик приписывает [его] порывы автору?" И еще: "... Автор имел в виду изобразить в Валужникове человека с благороднейшей и возвышенной душой, жаждущего полезной и честной деятельности... но не имеющего достаточно сил, чтобы бороться победоносно с мерзостью, его окружающею, и ее влиянием на него самого".

Видно, что В. Зайцев, несомненно сочувствовавший Некрасову, близко подошел к пониманию замысла поэмы. Он уловил и то, что мысли и чувства ее героя имели характер широкого обобщения.

Своеобразие небольшой поэмы "Рыцарь на час" прежде всего в том, что открытая гражданственность ее содержания прошла через душу поэта, стала его личной болью и превратилась в скорбную и волнующую лирическую исповедь. Эти стихи неизменно будоражили умы многих поколений, покоряя их своей жгучей искренностью и поэтической силой.

Рассказывают, что такой суровый и твердый человек, как Чернышевский, возвратись из Сибири, любил читать на память некрасовскую поэму и при этом не мог удержаться от слез.

В дни, предшествовавшие аресту, Чернышевский часто встречался с Некрасовым, слушал его стихи. В конце жизни, вернувшись в Саратов, он еще хранил в памяти воспоминания тех далеких лет, любил делиться ими с окружающими. Его рассказы тогда же записал М. Краснов, бывший секретарем у Николая Гавриловича:

"... В минуты сердечной откровенности Чернышевский не мог вспоминать без слез о своих друзьях: Н. А. Некрасове и Н. А. Добролюове. Про первого Николай Гаврилович, как бы защищая его память от нападков личного свойства, всегда замечал: "Хороший был человек, очень хороший"... Однажды, отдыхая после обеда, мы незаметно разговорились о поэзии... От Мицкевича перешли к Некрасову. Стихотворение последнего "Тяжелый крест" он назвал лучшим лирическим произведением на русском языке. Затем Николай Гаврилович предложил послушать "Рыцаря на час". Его слегка растянутое, ритмическое чтение, с логическими ударениями, произвело на меня громадное впечатление, и, заслушавшись, я не заметил, что чем далее, тем звончее становился голос Николая Гавриловича. Он уже как бы пережил "восхождение на колокольню" и оборвавшимся, надтреснутым голосом начал заключительный стих ^принесения повинной перед памятью матери. Вдруг Николай Гаврилович не выдержал и разрыдался, продолжая, однако, читать стихотворение. Я не в силах был остановить его, ибо и сам сидел потрясенный.

Эту тяжелую сцену прервала Ольга Сократовна возгласом: "Тебе это вредно". - "Не буду, голубушка, не буду", - ответил Николай Гаврилович..."

* * *

Конечно, Некрасов не мог не видеть прямой связи между появлением прокламаций, арестами литераторов и запрещением - пока временным - "Современника". И все-таки, оставшись без лучших сотрудников и без журнала, он не сложил оружия. Несмотря на упорные слухи о том, что "Современнику" не воскреснуть, он деятельно готовился к его возобновлению, приглашал новых авторов и редакторов.

Стихов в это время он писал мало, печатать их было негде. Зная об этом, Достоевский предложил ему опубликовать стихи в своем журнале "Время". Некрасов обещал дать два стихотворения, но потом понял, что это было бы несвоевременно и вот по какой причине:

"... Я не отказываюсь от моего обещания... но теперь мне неудобно появиться с моим именем в чужом журнале. Про меня здесь распустили слухи, что я отступился от прежних сотрудников, набираю новых, изменяю направление журнала, все это завершается прибавлением, что я предал Чернышевского и гуляю по Петербургу... Ввиду всего этого мне покуда необходимо не подавать новых поводов к двусмысленным толкам. Начнет выходить "Современник", дело разъяснится для публики, и тогда я исполню мое обещание. А покуда простите и подождите" (3 ноября 1862 года).

Много страданий доставляли поэту эти двусмысленные толки. Но дело действительно разъяснилось для публики, как только возобновился "Современник" и на его страницах был напечатан роман "Что делать?". Он увидел свет благодаря смелости Некрасова и его верности

направлению журнала, взглядам Чернышевского. Как только разрешение на продолжение издания (с февраля 1863 года) было получено, Некрасов сразу дал для "Времени" большой отрывок из недавно начатой поэмы "Мороз, Красный нос" ("Смерть Прокла"). Тогда же он представил в цензурный комитет текст объявления о возобновлении "Современника" в 1863 году. Он хотел довести до сведения читателей, что вопреки всем слухам журнал будет издаваться "на прежних основаниях", "по прежней программе"; но это решительно не устраивало руководителей цензуры и министра просвещения Головнина - он с возмущением отмечал, что редактор пытается сохранить то самое направление, какое привело к приостановке издания правительством.

Некрасов обнаружил поразительное упорство и принципиальность в стремлении отстаивать программу своего журнала. В том же проекте объявления он писал: "Современник" возвращается к делу с решимостью и полной надеждой сохранить в журналистике положение самостоятельное и независимое. Само собой разумеется, что он совершенно отказался бы от деятельности, если б ему предстояло осудить себя на бесхарактерную деятельность и безличное существование".

Золотые слова, и в них весь Некрасов, с его темпераментом журналиста-бойца и гражданина. Но такое объявление, конечно, не могло пройти через цензуру. Дело кончилось тем, что в ноябре 1862 года в "С. -Петербургских ведомостях" появилась за подписью Некрасова сухая информация о возобновлении "Современника" в будущем году. Здесь не осталось даже намека на программу или направление журнала. Редактор-издатель извещал, что в трудах редакции будут принимать постоянное участие М. Е. Салтыков (Щедрин), А. Н. Пыпин, М. А. Антонович. Сообщались условия подписки и расчета с читателями за те месяцы, когда журнал не выходил...

В те годы и Пыпин (двоюродный брат Чернышевского), и особенно Антонович близко стояли к некрасовскому журналу; они начали работать в нем еще до запрещения, хотя, разумеется, никак не могли восполнить ничем не заменимую утрату Чернышевского.

Что же касается Михаила Евграфовича Салтыкова (Щедрина), то привлечение его к работе было большой заслугой Некрасова; автор "Губернских очерков" стал ближайшим его помощником по редакции. В возобновленном "Современнике" в первом же году его существования появились рассказы, очерки, публицистика Салтыкова. И есть глубокая закономерность в том, что он связал свою писательскую судьбу с некрасовским "Современником", а потом и "Отечественными записками".